

История журналистики и литературной критики

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-12-27

Детство и юность журналистки Натальи Логуновой:
по мемуарам «Три эпохи»

Оксана И. Киянская

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Институт научной информации
по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
Москва, Россия, kianoks@inbox.ru*

Давид М. Фельдман

*Российский государственный гуманитарный
университет, Москва, Россия;*

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия, dmfeld@inbox.ru*

Аннотация. В статье речь пойдет о мемуарном наследии Натальи Аполлинарьевны Ивановой, в замужестве Логуновой (1903–1972) – российской журналистки и писательницы, эмигрировавшей в 1940-е гг. в США. Анализируется первая часть ее хранящихся в архиве Колумбийского университета мемуаров, посвященная детству и юности в дореволюционной Одессе. Речь идет о семье мемуаристки, о ее гимназических годах, первых литературных опытах, попытках опубликовать первые произведения. Кроме того, анализируются исторические события начала XX в., о которых размышляет Логунова, и их влияние на жизнь мемуаристки и ее близких.

Ключевые слова: Одесса, мемуары, литературное творчество, журналы, война, революция

Для цитирования: Киянская О.И., Фельдман Д.М. Детство и юность журналистки Натальи Логуновой: по мемуарам «Три эпохи» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 10. С. 12–27. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-12-27

© Киянская О.И., Фельдман Д.М., 2022

Childhood and youth of journalist Natalia Logunova. From memoirs “Three eras”

Oksana I. Kiyanskaya

*Russian State University for the Humanities. Moscow, Russia;
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia,
kianoks@inbox.ru*

David M. Feldman

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia;
dmfeld@inbox.ru*

Abstract. The article deals with the memoirs of Natalia Apollinariyevna Ivanova, married Logunova (1903–1972), a Russian journalist and writer who emigrated to the United States in the 1940s. The author analyzes the first part of her memoirs from the Columbia University Archives, covering her childhood and adolescence in pre-revolutionary Odessa. It is about the family of the memoirist, her gymnasium years, the first literary experiences, attempts to publish her first works. In addition, the historical events of the early twentieth century, which Logunova reflects on, and their impact on the life of the memoirist and her loved ones, are analyzed.

Keywords: Odessa, memoirs, literary work, magazines, war, revolution

For citation: Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2022), “Childhood and youth of journalist Natalia Logunova. From memoirs ‘Three Eras’”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 10, pp. 12–27, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-10-12-27

Наталья Аполлинарьевна Иванова, в замужестве Логунова (1903¹–1972) – российская журналистка, писательница и мемуаристка, эмигрировавшая в 1940-е гг. в США. Это уже не первая наша статья, посвященная Логуновой, ее биографии и творческому наследию [Киянская, Фельдман 2019а; Киянская, Фельдман 2019б; Киянская, Фельдман 2021].

¹ В документах Логунова указывала, что родилась 26 февраля 1903 г. Однако в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. она была уже взрослой. Кроме того, в войне принимали участие ее младшие сестра и брат. Таким образом, год рождения, скорее всего, указан ею неверно.

Основным источником для данной работы послужили мемуары журналистки под названием «Три эпохи», хранящиеся в архиве Колумбийского университета (США)². В данном случае речь пойдет о ее детстве, юности, первых годах взрослой жизни – собственно, этому дореволюционному периоду посвящена первая часть, первая «эпоха» ее мемуаров. По словам Логуновой, в этой «эпохе» она хотела «правдиво изложить не только события тогдашней жизни, но и чувства, восприятия и впечатления молодого поколения первых годов двадцатого века»³.

Наталья Логунова родилась в Одессе, «в полуподвальном этаже дома» на Торговой улице, «начинающейся у обрыва над морем и отлого спадающей к Старопортофранковской»⁴. Семья имела средний достаток. Согласно мемуарам, накануне ее рождения родители переехали в Одессу из Киева. Отец мемуаристки, Аполлинарий Михайлович Иванов, по рождению принадлежал «к польской шляхте»:

В нашем семейном альбоме в белом, блестящем переплете с позолоченной застежкой я видела фотографии надменных и чопорных поляков. У дедушки большие, светлые усы при выбритом подбородке, бабушка в старомодном шелковом платье с подпиравшим шею высоким воротником⁵.

Однако документы, доказывающие аристократическое происхождение, были утеряны, и Аполлинарий Иванов, как и его дети, были записаны в крестьянское сословие. В Киеве он пел «в киевской опере», в Одессе же не стал делать карьеру певца: служил сначала в Обществе Пароходства и Торговли, а затем – в Бессарабско-Таврическом Земельном банке. Кроме того, в Одессе Иванов был регентом церковного хора⁶.

Мать мемуаристки, Елена (Ида) Эдуардовна, урожденная Вильсон, происходила из семьи обрусевших немцев. Про своего дедушку с материнской стороны Логунова сообщает, что он «был участником франко-прусской войны 1870–1871 гг. на стороне

² *Logunova N.A. Tri Epokhi. Memoirs* // Rare Book & Manuscript Library Collection. Logunova N.A. Papers, 1913–1972. Box 8. Fol. 11–14. P. I–II, 1–452; Box 9. Fol. 1–8. P. 453–1435. Ссылка на мемуары Н.А. Логуновой оформляется следующим образом: Автор (Logunova). Номер коробки (box). Номер папки (fol.). Страница (p.).

³ Ibid. Box 8. Fol. 12. P. 109–110.

⁴ Ibid. P. 1.

⁵ Ibid. P. 2.

⁶ Ibid. P. 2, 3, 8.

немцев»⁷. В семье Ивановых было трое детей: кроме Натальи были еще младшие дети: дочь Ольга и сын Борис. Соответственно, мать была домашней хозяйкой – и все свое время отдавала воспитанию детей.

Детство Логуновой – это детство обычной одесской девочки предреволюционной эпохи, когда казалось, что мирная жизнь будет вечной и никакие социальные катаклизмы семью не затронут. Журналистка впоследствии считала, что именно первые годы детства в родительском доме воспитали в ней жизненную устойчивость. И именно эта устойчивость впоследствии помогла ей выжить, когда надежды на мир рухнули: и при советской власти, и в румынской оккупации, и в эмиграции. Она вспоминала, как ее отец «в свободное от работы время» возился с ней и, подбрасывая и ловя на лету, подпевал:

Эй, Наталко, не журися,
Туды-сюды повернися.

Эта первая услышанная мной песня глубоко запала в мою душу. Я ни при каких жизненных катастрофах не «журылась», даже когда жизнь мотала меня «туды-сюды». С песней в душе я прошла всю свою жизнь, хоть певицей не стала. Не стала ни летчиком, ни космонавтом, несмотря на крещение меня отцом в воздухе. Мои ноги твердо стояли на родной почве, в то время как голова была полна фантазий. Ноги не дали мне погибнуть, когда на мою страну налетел шквал и кружил по ней полвека, пока не унес за границу. Голова же, полна фантазий, вынесла и поставила на то место, которое от рождения было мне уготовано. Эти два противоположных качества моей натуры – реальность от матери и фантазия от отца – создали мой характер, ломавшийся и менявшийся в связи с обстоятельствами и оставшийся навсегда моим неизменным «Я»⁸.

Больше ста страниц в мемуарах Логунова отводит описанию своего детства и юности. Детские проказы, ожидание подарков на именины и Рождество, поездки на лето к родственникам в Киев – все эти мелкие подробности раннего периода своей жизни она вспоминает с большой теплотой. Судя по мемуарам, Логунова была живой и непосредственной девочкой, верховою в детских играх. Так, однажды дети встретили Новый Год – назло родителям, не взявшим их в гости – следующим образом:

⁷Ibid. P. 2

⁸Ibid. P. 1–2.

Мы вышли в гостиную, где стояла большая от пола до потолка елка, увешанная множеством блестящих шаров и игрушек, перевитая разноцветными цепями, со свисавшими с потолка серебряными нитями и лежащей на них блестящей ватой. На нижних ветках висели пряничные грибы, совсем как настоящие: коричневые с шоколадными шапочками и крупинками кофе внизу ножек <...>.

Войдя в гостиную, я предупредила Олю и Борю не шуметь, чтобы не услышала бабушка. Зажгла несколько восковых свечей на нижних ветках елки и, подставив к ней стул, взобралась на него и стала передавать сестре и брату шоколадные бутылочки с ликером.

– Осторожно ломайте горлышка бутылок и выливайте ликер в рюмки.

– У нас нет рюмок.

Соскочив со стула, на цыпочках пошла в столовую. Чтобы достать из буфета рюмки и тарелочки, мне пришлось подставить к нему стул. Посуда звякнула, и тотчас из кухни я услышала голос бабушки:

– Кто там?

Я замерла на стуле, прислушалась. Нет, шагов не слышно. Бабушка заснула вновь. Осторожно сползла со стула, понесла посуду в гостиную. Расставив ее на преддиванный столик, скомандовала:

– Выливайте ликер в рюмки!

Мы ломали горлышка шоколадных бутылочек, выливая из них ликер. Каждому на тарелочку я положила по пряничному грибу. Когда в столовой часы отзвенели двенадцать ударов, я, а за мной мои «собутельники», подняли рюмки и поздравили друг друга с Новым Годом <...>.

Рюмки и тарелочки я тихонько отнесла в столовую и поставила в буфет. В спальней свеча на ночном столике, которую я зажгла, будя брата и сестру, догорела больше, чем до середины. Сон сморил не только Олю и Борю, но и меня. Не снимая одежды, мы вповалку бухнулись на постель родителей и мгновенно уснули. Разбудил нас мамин возглас. Прикрыв глаза, я вновь их сомкнула и уже ничего не слыхала и не видела. Утром каждый из нас проснулся в своей постельке в ночном белье. Как только мы поднялись, мать поставила меня в угол носом. Я стояла и прислушивалась к тому, что мать говорила бабушке:

– Как же вы, мама, не досмотрели!.. Они чуть пожар не устроили! Когда мы вошли в спальную, свеча догорела и загорелась под ней салфеточка... Неужели вы не слыхали, что дети не спят, а хозяйничают в гостиной и столовой?.. На буфете липкие рюмки и объедки грибов⁹.

Гимназические годы Логуновой тоже были вполне традиционными для начала XX в. Влюбленность в учителя литературы,

⁹ Ibid. P. 17–19.

насмешки над учителем Закона Божьего, втыкание булавок «остриями вверх» в стул нелюбимой учительнице французского языка, которая, как казалось гимназисткам, относилась к ученицам «пристрастно». По учебе Логунова не была одной из первых: неудовлетворительные оценки соседствовали с отличными. Она вспоминала, как, получив единицу по одному из предметов, зашла вместе с подругой в церковь. «Перед иконой Божьей матери» гимназистки горячо молились. Они были уверены, что

Она передаст наше горячее желание своему Сыну, и Он своей божественной рукой исправит плохой балл в дневнике.

Мемуаристка очень разочарована, когда оценка исправлена не была:

Это был первый удар по Богу – Всемогущему, Всеблагому. Богу, о котором говорил нам батюшка, сидящему высоко в облаках в ореоле своей длинной, седой бороды, который знал каждого человека, все его нужды, заботы и тревожения, готовый прийти к нему на помощь¹⁰.

* * *

Именно с гимназическими годами Логунова связывала возникшее в ней желание стать журналисткой и писательницей. Она вспоминала, как «предложила издавать ученический журнал» и увлекла этой идеей двух подруг:

Мы поделились идеей с другими одноклассниками, интересующимися литературой, и нашли среди них «сотрудников» для журнала. Меня избрали редактором, издателями же были все, кто переписывал в тетрадь «произведения сотрудников», кто делал в ней виньетки и оформлял обложку. Переписывали не только на переменах, но и на уроках, незаметно для преподавательницы. Журнал выходил в нескольких экземплярах <...>. Все наши произведения были больше, чем несовершенны. Мы пополняли наши знания, учась на классиках <...>. Обо всем этом не стоило бы упоминать, если бы этот журнал не был толчком к моей писательской деятельности позже. У меня был отдельный ящик в письменном столе, где я ревниво хранила все мной написанное от посторонних взоров, даже родительских, опасаясь насмешек. В этом, может быть, сказалась моя скрытная натура. Насмешки больно бы ударили по моему болезненному самолюбию, а я уже тогда начала мечтать стать писательницей, хотя в то время пред-

¹⁰ Ibid. P. 32–33.

посылок к этому еще не было. Все рассказы и стихи, помещаемые в нашем журнале, звали к высокому подвигу, к недостижаемому небу, к идеалам Христа¹¹.

Потом, уже окончив гимназию, Логунова попыталась стать сотрудницей периодических изданий. Попыток было две. Сначала она отправилась в местную либеральную газету «Одесский листок». Газета эта была весьма солидной: на ее страницах в разные годы печатались Аркадий Аверченко, Максим Горький, Влас Дорошевич и другие звезды литературы и журналистики. Про ее главного редактора, Василия Навроцкого, было известно, что он «своей энергией и любовью к печатному слову выбился из мальчика на побегушках при газете в ее редакторы».

Логунова «попыталась написать фельетон в стиле Аверченко и понесла его на Ланжероновскую улицу», в редакцию.

На лестнице, ведущей в редакцию, была суета. Люди сновали по ней взад и вперед. Поднявшись на второй этаж, попала в канцелярию и в нерешительности оглядывалась. Кто-то из служащих обратился ко мне с вопросом, кого я разыскиваю.

– Я хотела бы говорить с господином Навротским.

– Вон он сам идет, – указали мне <...>

Он слышал мои слова и остановился.

– Чем могу служить?

Я так растерялась, что не могла произнести ни слова. Несколько раздраженно он повторил вопрос, а я все никак не могла произнести слова.

– Простите, я очень занят, – бросил он и хотел пройти мимо.

Тогда, собравшись с силами, я выдавила из себя:

– Я... я хотела бы сотрудничать в вашей газете.

Улыбка тронула его губы <...>. Уже мягче сказал:

– У нас достаточно своих опытных сотрудников... Впрочем, принесите материал. Посмотрим!

И заспешил дальше.

Больше в «Одесский листок» я не пошла. Зарылась с головой в книги и продолжала писать¹².

Вторая попытка газетного сотрудничества была предпринята сразу после первой – и снова оказалась неудачной. На этот раз начинающая журналистка и писательница обратилась к приехавшему

¹¹ Ibid. P. 42.

¹² Ibid. Box 8. Fol. 13. P. 256–257.

из Петербурга редактору «большого литературно-художественного журнала», фамилии которого она в мемуарах не называет. Однако и тут ее постигла неудача: редактору не понравилась принесенная ею повесть¹³.

В мемуарах Логунова пересказывает и сюжеты некоторых собственных ранних произведений. Так, не принятая столичным редактором повесть рассказывала об «очень безобразной» девушке, которая страдала от того, что «ни один мужчина» не обращал на нее внимания.

Доходит до того, что она готова отдаться первому встречному. Один из богатых, пресыщенных жизнью маменькиных сынков в пьяном виде приглашает ее в номер гостиницы. Наутро, покидая ее, случайно у дверей оглядывается. Она еще спит, совершенно нагая, раскинувшись на постели. Только сейчас он замечает, как идеально она сложена. Останавливает взгляд на необычайно красивых ногах с розовыми пальчиками, похожими на лепестки цветка. Безобразное ее лицо, преображенное во сне внутренней духовной красотой, кажется ему прекрасным. Он стоит у двери, очарованный ею, не в силах покинуть ее. В пылу внезапно вспыхнувшей страсти возвращается и берет ее еще раз полусонную. После этого они начинают встречаться, но теперь она уже знает силу своего тела и в новой близости ему отказывает. Постепенно он оценивает ее ум, ее духовный мир и они становятся друзьями. В нем вспыхивает к ней настоящая любовь. Она тоже начинает ценить его все больше, пока любовь не захватывает целиком и ее. Но ей кажется, что он любит не ее, а только ее тело, она же хочет, чтобы он оценил ее духовную сущность. Не в силах больше бороться со своей любовью, не желая пасть с ним вновь, чтобы забыть его, она уезжает на берег моря. Он находит ее, и встречи возобновляются. Все дни они проводят вместе.купаются, совершают прогулки, и оба начинают вновь терять голову. Не веря в его настоящую любовь, она вновь бежит от него. Не зная об этом, он спешит к ней к назначенному часу, чтобы спуститься на пляж вместе. Его встречает хозяйка домика, где она снимала комнату, говорит о ее внезапном отъезде и передает ему от нее записку. Тут же на пороге он нервно ее прочитывает: «Не разбивайте сказки... Дальше пойдут будни. До конца жизни я сохранию в памяти дни, проведенные с вами». Подпись и больше ничего. Куда она уехала, хозяйке не сообщила. Он же готов выть от отчаяния. В нем говорила не одна власть тела, он теперь не мыслит жизни без нее. Как и в первый раз, стал ее разыскивать, но найти не мог¹⁴.

¹³ Ibid. P. 257.

Редактор не взял повесть в журнал, поскольку нашел сюжет «слишком эротичным».

Еще одна пересказанная в мемуарах повесть называлась «Выше искусства». В ее основу «легла легенда о Пигмалионе и Галатее»:

Скульптор пытался слить мечту с действительностью. Из-под его резца выходила девушка изумительной красоты. Друзья скульптора восхищались его работой, но сам он был неудовлетворен. Статуя была мертва, он же хотел ее оживить. Часами работал над ней, делая новые штрихи, но камень оставался камнем. Каждый день он отходил от своей работы неудовлетворенным. Но однажды, зайдя в мастерскую в час вечернего заката, когда небо за окном играло всеми красками спектра, остановился в изумлении. Солнечный луч, скользнув по статуе, перешел на ее лицо – и оно озарилось улыбкой. С сильно бьющимся сердцем, боясь сделать движение, скульптор впитывал в себя радость ожившего лица статуи. Спустившись ниже, луч закатного солнца скользнул по ее груди, задержался на двух маленьких полушариях с бутонем соска, и они затрепетали. Солнце уплывало нехотя за горизонт, бросая на статую последние пучки нежно-розовых лучей. Они упали к чашеобразному животу и, скользнув ниже, взяли в свои объятия ноги. Девушка оживала на глазах скульптора. Не в силах вынести осуществления своей мечты, скульптор упал перед ней на колени, охватил руками ожившие колени. Видение было так реально, а потрясение так велико, что он скончался от разрыва сердца¹⁵.

Участвовала Логунова и в литературной жизни Одессы, входила в кружок молодых одесских литераторов «Зеленая лампа» [Киянская, Фельдман 2021]. Многие участники этого кружка стали знаменитыми: писатели Валентин Катаев и Юрий Олеша, поэты Эдуард Багрицкий, Зинаида Шишова, Семен Кирсанов, Вера Инбер, переводчик Давид Бродский. Мемуаристка вспоминала собрания «Лампы» в квартире на улице Петра Великого:

Поднявшись по широкой мраморной лестнице на второй этаж, вошла в квартиру, брошенную уехавшими. Собрание шло в большом зале сплошь во вделанных в стены зеркалах, окантованных золотом. Мебели, кроме дивана, нескольких кресел и столика с инкрустациями, частью кем-то выкорчеванных, не было. Я скромно опустилась на диван рядом с молодой девушкой с диванной подушкой на коленях.

¹⁴ Ibid. P. 257–258.

¹⁵ Ibid. P. 254–255.

Девушка эта, Зинаида Шишова, впоследствии стала близкой подругой Логуновой.

Несколько молодых начинающих поэтов читали свои стихи <...>. Все они знали друг друга, я одна была чужаком <...>. Я не пропускала ни одного собрания кружка, члены которого увеличивались. В него вошел Валентин Катаев, явившийся в военной форме, и немного позже дерзкий, нахальный мальчишка с большим самомнением – Семен Кирсанов. К нему и отнеслись как к мальчишке. В первый же день, явившись на собрание кружка, прервав чье-то чтение, он выскочил вперед.

– Теперь читаю я.

Прочел что-то неудобоваримое. Какую-то смесь футуризма с модернизмом. Прослушав его, Багрицкий, скривив губы в насмешливую улыбку, спокойно сказал:

– Теперь, мальчик, переведи то, что ты читал.

Кирсанов обиделся не на «переведи», а на «мальчика» и вскипел.

– Я не мальчик, мне уже четырнадцать лет.

Заходили в кружок и случайные поэты, исчезавшие так же быстро, как появлялись <...>. Я пока только прислушивалась, но не читала. У меня не хватало смелости вынести на общее суждение свои стихи, которые я продолжала писать. Если бы в то время мое стихотворение раскритиковали в пух и прах, это ударило бы больно по моему самолюбию, и я перестала бы верить в свои силы. Но однажды Бродский, бывший старше остальных и как бы председательствующий, обратил на меня внимание.

– Вы еще ничего не читали. Может быть, прочтете?

Мое лицо залила краска. Отказаться я не могла. Если посещаю регулярно кружок, значит пишу. Встала и тихим голосом прочла первое, пришедшее на ум:

Осенним вечером, чудесным вечером
Приду я к милому, скажу ему:
Оставь прошедшее, забудь прошедшее,
Создай ты новое, люби его.
Чудесным вечером, осенним вечером
Приду я к милому, прильну к нему.
И ласки новые, и ласки жгучие,
Припав к нему, отдам ему¹⁶.

¹⁶ Ibid. P. 316–319.

Впервые Логунова увидела свое произведение напечатанным только в 1919 г., когда Одессу заняла Добровольческая армия генерала Антона Деникина. Ее рассказ под названием «Шутка» вышел в журнале «Южный огонек». Об обстоятельствах этой первой публикации она рассказывала следующее:

С бьющимся сердцем позвонила у нижней квартиры. Дверь открыл пожилой человек с оседланным очками носом. В передней, куда я вошла, было темно. Редактор пригласил меня в комнату.

– С кем имею честь говорить?... Рассказ?... Оставьте!.. О результатах сообщу вам... свой адрес оставили?

Прошло некоторое время. Из журнала вестей не было. Зашла туда вторично. Мне сказали, что рассказ у редактора в верхней квартире этого коридора. Поднялась в его квартиру.

– Рассказ?... «Шутка»?.. Он помещен в очередном номере, – и передал мне этот номер.

В коридоре нетерпеливо перелистала журнал и... не поверила своим глазам. Мой рассказ был напечатан. Выйдя на улицу и остановившись у дома, я еще и еще пробегала рассказ глазами. Он был помещен полностью. Ничего в нем не было сокращено. От радости я забыла о гонораре. Это был мой первый напечатанный рассказ. Я поверила в свои силы. Теперь я пойду своей дорогой и буду писательницей. Шла по улице, неся номер журнала, как драгоценность. Казалось, все встречные знают о моем первом литературном крещении. Казалось, журнал раскупают потому, что там помещен мой рассказ¹⁷.

* * *

Наивность первых художественных произведений Логуновой объяснялась просто: она плохо представляла себе реальность, смотрела на мир сквозь романтические очки, была, по ее собственным словам, «наивной, неопытной девушкой с ее душевной чистотой без примеси какой-либо чувственности»¹⁸.

В выпускном классе гимназии и после ее окончания она стала пользоваться вниманием мужчин – как ровесников, так и тех, кто был намного старше ее. Но она была воспитана в строгих правилах, а потому не могла допустить мысли о физической близости с мужчиной. Мысли о плотской любви вызывали у нее отвращение:

Свеже-чистое, будто умытое утро разгоралось. Солнце краешком разглядывало землю, протягивая навстречу ей параллельные лучи. По

¹⁷ Ibid. P. 319–320.

¹⁸ Ibid. P. 273.

отлогой дорожке я стала спускаться к Днепру. Не обращая на меня внимания, соседняя сучка, высунув язык и тяжело дыша, задрала хвост. Хозяйский пес слизывал у нее под хвостом. Потом полез на нее. Так вот какова любовь! Вот что нужно жадным мужчинам от женщин!.. Я не хочу такой любви <...>.

Я была поражена своим открытием, как бывает поражен ученый, открытие которого опровергало старые истины. Нет, после того, что я узнала, я не могла больше жить. Я шла берегом Днепра <...>. Я шла навстречу поднимающемуся с постели солнцу, но убежать от себя не могла. Хозяйский пес, догнав меня, потерялся о мои ноги.

– Пошел прочь! – брезгливо оттолкнула я его ногой.

Поджав хвост, он остановился и посмотрел на меня непонимающим взглядом.

– Пошел прочь! – еще раз в сердцах крикнула я и побежала.

Пес помчался за мной. Подняв камень, я швырнула его в него. Камень угодил в его ногу. Жалобно твякнув, пес остановился. Я шла и шла, предаваясь отчаянию, что тайна, которая за прозрачной занавесью прельщала, оказалась так неприглядна. Ради этого не стоило жить. Самое красивое в жизни – любовь – опоганена. Что же еще в ней осталось ценного? – Ничего!.. Я не хочу жить. Лучше умереть¹⁹.

Ее первая любовь была наивна и чиста. Впрочем, таковыми же были и несколько последующих увлечений. Естественно, все эти увлечения заканчивались расставаниями. Воспитанная строго, мемуаристка долго оставалась такой же наивной в житейских вопросах. «Я вступала в жизнь неиспорченной, непосредственной и искренней», – признавалась она. И была уверена, что, «если когда-нибудь эти записки попадут в руки современной молодежи», она безусловно «будет издеваться и смеяться» над ее наивностью²⁰.

Впрочем, исторические катаклизмы начала XX в., войны и революции заставили Логунову быстро повзрослеть. События 1910-х гг. буквально катком прошли и по самой мемуаристке, и по ее семье, и по ее ближайшему окружению. На фронт в Первую мировую отправились и Борис, окончивший юнкерское училище в Одессе, и Ольга, ставшая сестрой милосердия.

Ощущения же самой мемуаристки, не решившейся бросить убитую горем мать и собственное писательское призвание, были следующими:

¹⁹ Ibid. Fol. 12. P. 183–184.

²⁰ Ibid. P. 221, 109.

Шли бои, гремели орудия, проливалась русская и немецкая кровь. В тылу все чаще ползли слухи, что в то время, как солдатики проливают свою кровь за родину, спекуляция достигает огромных размеров. Имя военного министра Сухомлинова²¹ у всех на устах. Говорят, что на военных поставках он заработал миллионы, отправляя на фронт сапоги из гнилой кожи; что Императрице он поднес в подарок драгоценную брошь в виде сапога, всю из бриллиантов. Все чаще повторяется имя Распутина и связывается с именем Императрицы²². Кто-то невидимый раздувает огонь, подливая в него масло. Кто-то будоражит русские умы. Кому-то нужно опорочить имя Императрицы. Народ отравлялся ядом, лившимся из подполья. На поводу шла и часть русской интеллигенции <...>. Кто-то, находящийся за кулисами, старался использовать и временные неудачи на фронте, и злоупотребления власти. Война, которую предполагали закончить скоро, затягивалась <...>.

На фронте наши дела были не блестящи. После первых побед наступили поражения. В тылу же кто-то расшатывал трон. Императрицу почти открыто называли немецкой шпионкой. Государя обвиняли в приближении ко двору сибирского мужика Распутина. Пропаганда против престола ширилась. Как змея, она ползла в народ, настраивая его против царя и помещиков. С думских трибун левые депутаты уже не стеснялись в выражениях <...>.

В умах обывателей все смешалось. Где правда и где ложь? Кем распускаются слухи, позорящие царский дом? Игра наверху шла каплевыми картами. Нужна была немедленная операция, чтобы остановить болезнь. Нужна была твердая рука, которой в то время не было <...>.

Боря недолго после выпуска оставался дома, вскоре его отправили на фронт. Кроме всей семьи, его провожали друзья. Весь состав поезда блестел новенькими мундирами. Вагоны были украшены национальными флагами. Гремел духовой оркестр. После того, как поезд скрылся из глаз, мы еще долго стояли у конца дебаркадера и смотрели в ту сторону, куда он увозил сыновей, мужей и братьев. Женщины в нарядных платьях с кружевными зонтиками в руках продолжали размахивать тоненькими батистовыми раздушенными платочками ему вслед. Почти все женщины плакали, поднося эти платочки к глазам.

²¹ Речь идет о генерале от кавалерии Владимире Александровиче Сухомлинове (1848–1926), в 1909–1916 гг. – военном министре России, обвиненном в махинациях с поставками для армии и отданном под суд.

²² Имеются в виду распространявшиеся по России слухи об огромном влиянии фаворита императорской семьи, сибирского крестьянина Григория Ефимовича Распутина (1869–1916) на российскую политическую жизнь, на императора Николая II и – прежде всего – на его жену, императрицу Александру Федоровну.

Расходились опустошенные, потерявшие одного человека в семье. Теперь каждый день был ожиданием писем «оттуда» <...>.

Летело к черту все. Колесница жизни мчалась уже во всю прыть, расталкивая и растаптывая на своем пути все встречное. Наравне с Временным Правительством в Петрограде заседал Совет рабочих и крестьянских депутатов <...>. Твердой власти не было. В стране царил разруха. Особенно остро стоял продовольственный вопрос. Из-за него в Петрограде были бунты рабочих. 1917 год шагал на подбитых гвоздями подошвах с севера на юг. В запломбированном вагоне через Финляндию немцы перебросили сюда Ленина, снабдив его деньгами для завершения в России революции. В российских городах толпы людей с красными флагами и красными розетками в петлицах маршировали по улицам, распевая революционные песни <...>.

Наблюдая демонстрации, прислушиваясь к зажигательным речам ораторов, молодежь решила, что пришло время, о котором мечтал народ <...>. Как просто и легко все совершилось! Никакого кровопролития. Но по улице за гробами уже шла процессия с трепыхавшимся на ветру кроваво-красным полотнищем и звучали слова революционной песни: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Не знал тогда народ, не предчувствовал, что несла ему в дальнейшем революция. Красное полотнище символизировало миллионы расстрелянных и сгноенных в концлагерях, миллионы невинных жертв <...>.

В Петрограде уже строились баррикады, рекой лилась кровь. Отголоски северных событий докатывались и сюда. Бурно волновалось Черное море в предчувствии бед, разбивая черные от страха волны о прибрежные скалы. В происходящем все перепутывалось. Советы выбросили лозунг: «Вся власть народу! Земля крестьянам». Как же усидеть на фронте, если где-то идет уже дележка земли! Солдатики уже группами дезертировали домой, чтобы не опоздать к разделу помещичьих земель <...>.

Солдатские комитеты в армии почувствовали свою силу. Стали срывать погоны у офицерства. Кое-кого уже пристрелили. В деревнях пускали «красных петухов» и растаскивали имущество помещиков. С бесшабашной российской удалей крушили все на своем пути. «Разойдись!.. Не препятствуй моему ндраву!» Первая пролитая кровь наполнила сердца народа отравой. Бескровная революция затоплялась морями крови. Зверь, сидящий в каждом человеке, торжествовал. Кто рассеет дурман и остановит распоясавшийся русский народ? Может быть, он сам остановится в своем безумии и раскается в содеянном? Где-то уже собиралась армия для спасения России. В нее уходили истинные сыны России²³.

²³ Ibid. Fol. 13. P. 227–228, 233, 259, 248–249.

Однако армия, собранная «для спасения России», проиграла. Власть взяли большевики.

* * *

Таким образом, первая «эпоха» мемуаров Логуновой заканчивается приходом советской власти в Одессу. Жизнь юной писательницы кардинально изменилась. Позади остались посещения театров и балов, сшитые матерью красивые платья, чтение книг, каток в Городском саду, влюбленность в артистов, первая любовь. Погибли или эмигрировали многие из тех, с кем мемуаристка общалась в годы детства и юности.

Пришлось оставить и занятия литературой. Любое сотрудничество с советской периодикой означало компромисс с большевиками – а большевиков мемуаристка ненавидела. «На литературном поприще в коммунистической стране я не могла бы работать. Моя прямая, честная, отцовская натура не позволила бы мне кривить душой», – признавалась она²⁴.

Собственно, о том, как Логунова выживала в СССР, как встретила войну и оккупацию Одессы румынами – следующая часть ее мемуаров, вторая «эпоха».

Литература

- Киянская, Фельдман 2019а – Киянская О.И., Фельдман Д.М. Одесса в публицистике Натальи Логуновой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 113–123.
- Киянская, Фельдман 2019б – Киянская О.И., Фельдман Д.М. Одесская периодика времен румынской оккупации: по материалам архива Н.А. Логуновой // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 9. С. 12–23.
- Киянская, Фельдман 2021 – Киянская О.И., Фельдман Д.М. Одесские литераторы 1920-х гг. в публицистике Н.А. Логуновой (Ивановой) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 10. С. 52–68.

References

- Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2019), "Odessa in publicity by Natalia Logunova", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 6, pp. 113–123.

²⁴ Ibid. Box. 9. Fol. 2. P. 682.

- Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2019), "Odessa periodicals under the Romanian occupation. From the archive of N.A. Logunova", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 12–23.
- Kiyanskaya, O.I. and Feldman, D.M. (2021), "Odessa litterateurs in the 1920s in the journalism of N.A. Logunova (Ivanova)", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 52–68.

Информация об авторах

Оксана И. Киянская, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21; kianoks@inbox.ru

Давид М. Фельдман, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1; dmfeld@inbox.ru

Information about the authors

Oksana I. Kiyanskaya, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia; bld. 51/21, Nakhimovsky Av., Moscow, Russia, 117997; kianoks@inbox.ru

David M. Feldman, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 82, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; dmfeld@inbox.ru